

А. В. Пугачева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**Место онимов в текстовом семантическом поле
(на материале поэтических текстов
И. Кормильцева и Б. Гребенщикова)**

Пугачова А. В. Місце онімів у текстовому семантичному полі (на матеріалі поетичних текстів І. Кормильцева та Б. Гребенщикова). У статті розглядається місце онімів в ієрархічній структурі загальнономовних і текстових семантичних полів, з акцентом на ТСП. Наводяться приклади семантизації власних назв у художніх текстах, формування в них тісного семантичного зв'язку з іншими засобами побудови художнього образу, з самим іменованим образом. Приділяється увага особливій ролі імен власних в ТСП "Жінка" у поетичних текстах Б. Гребенщикова, розглядаються також приклади з текстів І. Кормильцева. Робиться висновок, що в ТСП оніми можуть займати не лише периферійні, але також центральні позиції, проте не можуть знаходитися в ядрі поля.

Ключові слова: *семантичне поле, СП, текстове семантичне поле, ТСП, онім, художній текст, поетонім.*

Пугачева А. В. Место онимов в текстовом семантическом поле (на материале поэтических текстов И. Кормильцева и Б. Гребенщикова). В статье рассматривается место онимов в иерархической структуре общеязыковых и текстовых семантических полей, с акцентом на ТСП. Приводятся примеры семантизации имен собственных в художественных текстах, формирования у них тесной семантической связи с другими средствами построения художественного образа, с самим именуемым образом. Уделяется внимание особой роли имен собственных в ТСП «Женщина» в поэтических текстах Б. Гребенщикова, рассматриваются также примеры из текстов И. Кормильцева. Делается вывод, что в ТСП онимы могут занимать не только периферийные, но также центральные позиции, однако не могут находиться в ядре поля.

Ключевые слова: *семантическое поле, СП, текстовое семантическое поле, ТСП, оним, художественный текст, поетоним.*

Pugachova A. V. The place of proper names in text semantic fields (on the material of poetic texts by I. Kormiltsev and B. Grebenshchikov). The article is devoted to the place of proper names in hierarchical structure of common-language and text semantic fields, with emphasis on TSF. Author gives examples of a semantization of proper names in art texts and of forming at them a close semantic link to other tools of construction of an artistic image and to the called image. The attention to a special role of proper names in TSF "Woman" in poetic texts by B. Grebenshchikov is paid, also examples from I. Kormiltsev's texts are reviewed. The conclusion is drawn that in TSF proper names can take not only peripheral, but also central positions, however can't be in a field kernel.

Keywords: *semantic field, SF, text semantic field, TSF, proper name, art text, literary proper name.*

Проблема определения иерархического места онима в текстовом семантическом поле состоит, в том, что: 1) содержание имен собственных по своей природе разительно отличается от содержания нарицательных имен, а критерии отнесения единиц поля к ядру, центру или периферии разрабатывались в лингвистике именно на базе имен нарицательных; 2) онимы в художественных текстах нередко функционируют совсем иначе, чем в обыденности, меняя свое содержание.

В семантическом поле (общеязыковом) (далее будем обозначать его СП) элементы занимают свои позиции в иерархии (в ядре/центре/периферии) соответственно количеству дифференциальных сем в их семантической структуре. А именно, чем больше таких сем у слова, тем дальше оно находится от ядра поля. Если рассмотреть отношение сигнификата и денотата слова к его пози-

ции в СП, то окажется, что дальше всего от ядра будут находиться слова с богатым сигнификатом и узким денотатом.

Имена собственные в этом свете должны рассматриваться под другим углом зрения, ведь у них нет сигнификата, и денотат довольно специфический. Например, если речь идет о собственных именах людей, например, *Антон*, то соответствующий денотат определяется тем, что класс объектов, называемых этим именем, называется именно этим именем. Но поскольку мы знаем, что *Антон* — мужское имя, то можем сказать, что его денотатом являются все люди мужского пола, которым дано имя *Антон*. Исследователи отмечают, что денотативное содержание имен собственных «определяется имплицитной связью онима с именем класса, к которому он принадлежит (ср.: Иван — мужчина, Волга — река <...>)»

[1:207], что «для понимания имени собственного может быть достаточно и простого отнесения его к определённой категории (кличка лошади, название реки) без других уточнений» [11:90].

О том, насколько широк или узок такой денотат, можно судить лишь относительно. Явно, например, денотат имени *Антон* значительно уже, чем класс «мужчина». И в любом случае интуитивно личные имена людей ощущаются как нечто индивидуализирующее именуемого человека.

Что же касается таких онимов, которые называют конкретную единственную историческую личность, то здесь наблюдается, по замечанию А. В. Суперанской, даже полное отсутствие денотата. Остается только референциальная соотнесенность с объектом и его образом [11:147]. Думается, то же справедливо и для онимов, именующих легендарную, мифологическую личность или персонажа произведения искусства.

Таким образом, в семантическом поле трудно представить более периферийный элемент, чем имя собственное. По свойствам своего содержания оно должно быть максимально удалено от ядра.

Но насколько это утверждение справедливо для текстового семантического поля (далее — ТСП, термин введен Л. А. Новиковым), то есть такого поля, которое реализуется в рамках художественных произведений? Говоря о степени изученности данного вопроса, следует сказать, что вопрос о месте имен собственных в структуре ТСП относится к совершенно не изученным в современной русистике. Поэтому целью проводимого исследования является — определить, какие иерархические позиции могут занимать имена собственные в структуре текстового семантического поля (в ядре, центре и периферии). Для этого необходимо решить такие задачи: 1) рассмотреть уже установленные филологами особенности ТСП вообще; 2) проанализировать содержание онимов, включенных в состав определенного ТСП (в нашем случае это ТСП «Женщина» в поэтических текстах Ильи Кормильцева и Бориса Гребенщикова); 3) разработать критерии структуризации ТСП и, применив их к исследуемому материалу, определить иерархическую позицию онимов в ТСП «Женщина».

Л. А. Новиков устанавливает, что семантика и структура ТСП контекстуально обусловлены, более подвижны и менее определены в сравнении с СП [9:556–557], и подчеркивает, что ТСП «организуется категорией автора как целенаправленная система, в которой подчас разнородные элементы становятся внутренне единым выражением идейно-эстетического смысла» [9:559]. М. Л. Новикова указывает, что «текст может нейтрализовать различия единиц, относящихся в языке к разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [10:37]. А. П. Клименко и В. А. Симхович устанавливают, что ТСП (они не используют этот термин, но говорят, по сути, о том же явлении) может иметь ядро, совпадающее с ядром соответствующей СП, так как в ядро всегда входят слова,

«однозначно и систематически обозначающие более общее понятие», но периферия будет заметно отличаться [6:97].

Похожие общие замечания об особенностях ТСП мы повстречали еще у ряда исследователей, однако никто из них не предлагает положительных критериев для четкого разграничения центра и периферии поля, реализуемого в художественных текстах.

В процессе анализа нашего материала нам водилось отвергать или модифицировать некоторые критерии отнесения единиц поля к ядру, центру или периферии, разработанные для языковых полей, а также вводить дополнительные критерии. Так, стилистический критерий, согласно которому образные и стилистически маркированные единицы относятся к периферии поля, был отвергнут нами как нерелевантный для поэтических произведений, в которых всегда избыточны единицы во вторичных, производных, переносных, метафорических значениях. По нашему мнению, в ТСП слово во вторичном значении гипотетически может занимать любое иерархическое место (кроме, пожалуй, имени поля).

Частотный критерий был преобразован с учетом специфики функционирования лексических единиц в таких малых жанрах, как лирическое стихотворение (тексты именно такого толка мы исследовали). Показателем частоты употребления определенной единицы нам служило не общее количество ее употреблений во всей совокупности текстов данного автора, а количество разных текстов, в которых единица функционирует, то есть мы не учитывали повтор единицы в одном и том же тексте.

Были также введены два специфических критерия отнесения единицы к центру поля. Первый заключается в том, что в центре ТСП находятся единицы, именующие ключевой образ в некотором произведении. Содержательным показателем ключевой номинации является подкрепление ее основных сем множеством других единиц в данном тексте, формальным показателем может служить вынесение данной единицы в заголовок, однако удовлетворяться только формальным показателем нельзя. Второй введенный нами критерий основан на том, что иногда в текстовом поле может встретиться относительно крупное подмножество единиц с одним и тем же значением. То есть в поэтической картине мира (термин Л. Я. Буяновой [2]) автора обнаруживается некий смысл, план содержания, настолько важный для автора, что он активно ищет все новые и новые планы выражения этого смысла, высвечивающие те или иные стороны объекта. Все репрезентанты такого номинативно плотного смысла (перифразируя термин В. И. Карасика «номинативная плотность концепта») мы решили считать находящимися в центре поля.

Итак, полученные критерии были выстроены нами в такой алгоритм:

1. Установить, является ли номинация ключевой. Если да — она находится в центре поля. Если нет — переходить к пункту 2.

2. Установить, относится ли номинация к подгруппе единиц, именуемых некий номинативно плотный смысл в рамках поля. Если да — она находится в центре поля. Если нет — переходить к пункту 3.

3. Определить частоту употреблений данной единицы поля. Если она употребляется в двух и более разных стихотворениях — она относится к центру поля, если в одном — к периферии.

Прежде чем применять данный алгоритм, мы, конечно же, провели работу по определению собственно смыслов, контекстуальных значений каждой из единиц в тех текстах, где они функционируют.

Отметим для начала, что в исследованных текстах И. Кормильцева оказалось 13 онимов из 75 единиц поля «Женщина», а в текстах Б. Гребенщикова — 26 из 91.

Из 13 кормильцевских онимов 4 относятся к центру поля. Как показал проведенный анализ, такое их положение обусловлено семантизацией имен и вплетением их в семантическую сетку текста. Например, оним *Ариадна* развивается в одноименном тексте на базе соответствующего мифа. В древнегреческой мифологии Ариадна, дочь критского царя Миноса, подарила Тесею волшебный клубок нитей, который вывел его из лабиринта с Минотавром, и таким образом спасла ему жизнь, и они смогли вместе бежать с острова Крита. В тексте И. Кормильцева «Ариадна» [7] лабиринт — это вся жизнь, в которой герои (*Ариадна* и ее возлюбленный) должны найти друг друга. Нить, которую дает *Ариадна* любимому, выступает залогом ее верности их любви, как бы символом их негласной помолвки: *дам я нить тебе в руки вместо слов и кольца / у нее два значенья, у нее два конца*. Один конец нити находится в руке героя, другой — в руке героини. При этом, однако, героиня занимает явно более активную позицию в поиске кратчайшего пути к любимому: *в лабиринт я войду смело ... можешь ждать возле входа непрестанно*. Но промедления героя могут привести к неблагоприятным последствиям — ведь жизнь конечна, и они могут просто не успеть встретиться: *Может, ты ещё успеешь / Вдоль по нити, по пути ... / Если нить оборвалась, и меня рядом нет / Значит, срок мой отмерен, и потушен мой свет / ... / Рано ли, поздно ли, там и тут / Тропочку-ниточку оборвут / Острые-шустрые ножницы / Тропочка-ниточка кончатся*. На случай своей гибели *Ариадна* завещает любимому хранить ей верность и после ее смерти — завязать два конца нити, больше не продолжать поиск, памятью укреплять единственную любовь: *Завяжи два конца узлом на память / Может быть, нить твоя прочнее станет, крепче станет*. Таким образом, *Ариадна* у Кормильцева получает содержание 'верная, преданная любящая женщина, суженая'. И поскольку это имя с его контекстуальным поэтическим индивидуально-

авторским значением развертывается целым текстом, оно является ключевой номинацией, относимой к центру поля.

На периферии ТСП «Женщина» у автора полностью остались «самими собой» *леди Диана, мисс Италия, Мэрилин, Каренина, Брижит Бардо, Ева и мадам Тюссо*. А имена *Раиса* и *Лолита*, хотя не были вполне семантизированы, приобрели в тексте «Ничего особенного» коннотацию 'особенная'.

У Б. Гребенщикова картина еще более радикальная. Из 26 женских онимов на периферии находятся лишь 8, а в центре — 18. Это связано с тем, что в его ТСП «Женщина» обнаружилось целых две подгруппы единиц, именуемых номинативно плотные смыслы: 'сакральная женская сущность' (22 плана выражения, из которых 10 — онимы) и 'Родина как женщина' (6 единиц, из которых 4 — онимы). Таким образом, во-первых, из всех употребляемых автором онимов примерно половина относится к этим подгруппам, а во-вторых, внутри этих подгрупп примерно половину составляют онимы. Видимо, это неслучайно.

Рассмотрим по одному примеру из каждой подгруппы.

Святая София — в песне «Никита Рязанский» из «Русского альбома» (1992) [3] — многослойный образ. Во-первых, в православии действительно есть несколько канонизированных святых с этим именем, но ни с одной из них этот образ не находит соответствия. Зато он функционирует в паре с образом *Никиты Рязанского*, который также не имеет соответствий среди исторических личностей святых, хотя имя его образовано по аналогии с именами многих святых (ср.: Сергей Радонежский, Серафим Саровский). Поэтому на одном из уровней прочтения это собирательные образы святых — женщин и мужчин соответственно, и шире — воплощение идеи братьев и сестер во Христе, людей как детей Божьих: *Она крестила его / Соленым хлебом и горьким вином, / И они смеялись и молились вдвоем: / Смотри, Господи: / Крепость, и от крепости — страх, / И мы, дети, у Тебя в руках...* На другом уровне *Никита Рязанский* прочитывается как образ Христа: *Никита Рязанский / Строил город, и ему не хватило гвоздя. / Никита Рязанский / Протянул ладони и увидел в них капли дождя; / Никита Рязанский / Оставил город и вышел в сад. / Никита Рязанский / Оставь старца и учаше кто млад...* (*город* — Небесный Иерусалим; *не хватило гвоздя, протянул ладони* — иронично-трагичный намек на распятие; *вышел в сад* — молитва Иисуса в Гефсиманском саду). И тогда *Святая София* — это Премудрость Божия, что-то вроде женского начала в Боге, а также Церковь как Невеста Христа. Причем БГ, по-видимому, противопоставляет вещественную церковь (культовую постройку, не всегда достигающую своей цели: *Десять тысяч церквей / Ищут Его, и не могут Его найти*) мистической Церкви (соборному человечеству, порой обретающему Бога в местах, кажущихся для этого не подходящими: *Святая София / Искала его и нашла его под кустом*).

Гертруда — в песне «Не пей вина, Гертруда» из альбома «Кострома топ атоур» (1994) [3]. Г. Н. Малышева отметила, что БГ «открыто следует блоковской теме женственного образа России» [8:130]. Похоже, именно такой образ стоит за номинацией *Гертруда*. Л. Г. Кихней и О. Р. Темиршина считают, что шекспировская цитата в этом тексте «иронически переосмысливается..., проецируясь на христианские и буддийские религиозные контексты. <...> «Вино» воспринимается Гребенщиковым в христианском аспекте как знак подмены религиозного содержания религиозной формой, и образу «вина» в этом плане противопоставляется образ «воды», который является символом истинной веры» [5:254]. Не отрицая такого толкования, хочется отметить здесь еще и другой, более прямой и приземленный смысл. Гамлет у Шекспира рассуждает о пьянстве в датском королевстве: *К несчастью, да — обычай, и такой, / Который лучше было б уничтожить, / Чем сохранять. Такие кутежи, / Расславленные на восток и запад, / Покрыли нас стыдом в чужих краях. / Там наша кличка — пьяницы и свиньи* [12]. Любой носитель русской культуры (да и не только русской) признает актуальность данного фрагмента для современной России. А отсылка к российским реалиям содержится в первых же словах песни: *В Ипатьевской слободе по улицам водят коня. / На улицах пьяный бардак; / На улицах полный привет. / А на нем узда из льда; / На нем — венец из огня; / Он мог бы спалить этот город — / Но города, в сущности, нет.* С Ипатьевской слободой — частью русского города Костромы — может ассоциироваться расположенная там Церковь Иоанна Богослова, что особенно важно в связи с образом *коня*, видимо, апокалиптическим. Город Кострома, скорее всего, является метонимическим обозначением всей России (Ю. В. Доманский также указывает, что у БГ часто различные образы городов выступают метонимией всей России [4:77]), которой не страшен смертоносный конь, потому что она уже «в сущности» мертва — отравлена *вином*. Метонимический перенос возможен и в паре «королева — страна» («Гертруда — Дания»). *А когда-то он [город] был другим; / Он был женщиной с узким лицом; / На нем был черный корсаж, / А в корсаже спрятан кинжал. / И когда вокруг лилась кровь — / К нему в окно пришел гость; / И когда этот гость был внутри, / Он тихо-спокойно сказал: / Не пей вина, Гертруда; / Пьянство не кра-*

сит дам. / Нажрешься в хлам — и станет противно / Соратникам и друзьям. Так шекспировская королева Дании *Гертруда* вместе с русским городом Костромой становится знаком России.

Но и на периферии у Гребенщикова лишь онимы *Фемиды, Царица Шеба, Клеопатра и Джоконда* остаются тем, чем они являются в общечеловеческом культурном поле, а остальные 4 онима подвергаются семантической переработке.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Одна из особенностей ТСП состоит в том, что элементы в нем подчас занимают свои иерархические позиции в соответствии не столько с количеством дифференциальных сем в их семантической структуре, сколько со значимостью заложенного в них смысла для поэтического картины мира автора. Высокий уровень таковой значимости может определяться в том числе: развертыванием образа, поименованного словом — элементом ТСП, посредством всего текста; наличием множественных номинаций для выражения фактически одного и того же смысла.

2. В проанализированных ТСП «Женщина» в поэзии И. Кормильцева и Б. Гребенщикова онимы обычно семантизируются, обретают, помимо референциальной соотнесенности, еще и богатый смысл.

3. Контекстуальное содержание некоторых онимов в вышеозначенных ТСП позволяет применять к ним критерии, определяющие расположение единиц ТСП в центре (критерии ключевых номинаций и номинативной плотности).

Таким образом, в ТСП оним может занять любое место, но, гипотетически, — кроме ядерного. Ведь в ядре находятся лишь те элементы, которые выражают общее, интегральное значение поля наиболее обобщенно. А если бы даже некий автор в своих произведениях постоянно называл всех женщин без различия, к примеру, Евами, то это имя перешло бы в разряд нарицательных.

Для дальнейшего изучения темы, освещенной в данной статье, нам видятся две **перспективы**, более общая и частная. Частная — определить закономерность знаменательно частого употребления Гребенщиковым имен собственных для обозначения номинативно плотных смыслов. Общая — на более обширном материале установить, о чем может свидетельствовать насыщенность ТСП онимидами, есть ли в таком явлении некая концептуальная подоснова.

Литература

1. Алефиренко Н. Спорные проблемы семантики / Н. Алефиренко. — М. : Гнозис, 2005. — 326 с.
2. Буянова Л. Ю. Нравственные основы языкового бытия / Л. Ю. Буянова, Г. П. Немец, В. И. Тхорик // Категориальные субстанции языковых реалий: Природа. Общество. Человек. Вестник Южно-российского отделения МАН ВШ. — Краснодар, 1998. — № 1 (11). — С. 6—10.
3. Гребенщиков Б. Книга песен [Электронный ресурс] / Б. Гребенщиков. — Режим доступа : http://www.aquarium.ru/discography/songs_of_bg_book.txt.
4. Доманский Ю. В. «Провинциальный текст» ленинградской рок-поэзии / Ю. В. Доманский / Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов. — Тверь, 1998. — С. 70—86.
5. Кихней Л. Г. Пародическая семантика «Аквариума» / Л. Г. Кихней, О. Р. Темиршина // Проблемы славянской культуры и цивилизации: матер. междунар. науч. конф. — Уссурийск, 2001. — С. 253—256.

6. Клименко А. П., Симхович В. А. Лексико-семантическая группа в структуре связного текста // Коммуникативные аспекты значения. — Волгоград, 1990. — С. 90—99.
7. Кормильцев И. В. Ариадна [Электронный ресурс] / И. В. Кормильцев. — Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2011/09/14/9087>.
8. Малышева Г. Н. Рок-поэзия Бориса Гребенщикова / Г. Н. Малышева // Малышева Г. Н. Очерки русской поэзии 1980-х годов: (Специфика жанров и стилей). — М. : Наследие, 1996. — С. 111—131.
9. Новиков Л. А. Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Новиков Л. А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. — М. : Изд-во РУДН, 2001. — С. 554—570.
10. Новикова М. Л. Остраннение как языковая структура текстового поля / М. Л. Новикова // Филологические науки. — 1999. — № 6. — С. 37—44.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1973. — 366 с.
12. Шекспир У. Гамлет, принц датский (пер. Б. Пастернака) [Электронный ресурс] / У. Шекспир. — Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/files/sh/shakespeare/shakespeare_20.html.